

о власти и о княжении¹ мы найдем изречения не только Демокрита, но и других философов и отцов церкви, а также изречения из Евангелия и Апостолов. Легко убедиться, что ни изречение из Евангелия, говорящее о смирении, ни из Апостолов, трактующее о покорении цезарям, ни из Иоанна Дамаскина — о кротости и совестливости, ни из Плутарха, замечающее, что „мужем ненаказанным“ (неопытным) нельзя давать власти и силы, ни другие — все очень образные и в качестве украшения выгодные — не были использованы Вассианом, как не отвечающие тем идеям, которые он проводит со всей страстью в Послании. Да и из изречений Демокрита он взял одно только, нужное ему, и цитирует его, возможно, на память.

Свою начитанность Вассиан Рыло использует и дальше, когда на историческом материале, взятом из летописных сводов, на примере прародителей Ивана III, показывает, как великий князь должен действовать. „Поревнуй прежебывшим прародителем твоим, великим князем: неточию Рускую землю обороняху от поганых, но иные страны приимаху под соби, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царех дань имали, потом же и Владимира Монамаха, како и коли бился со оканными половци за Рускую землю, и иные мнози, их же паче нас ты веси“.² Вряд ли московский великий князь, который ощущал себя, в некотором роде, преемником великих князей киевских, мог оставаться равнодушным к подобным примерам. Следует отметить, что если „Сказание о князех Владимирских“ ставит эту проблему с целью ее утверждения, то тут мы имеем новое доказательство жизненности и значительности этой идеи для того времени, и вассианово Послание — свидетель тому. С другой стороны, нужно отметить, что Вассиан использует и эту идею в своих публицистических целях.

Еще более определенный и убедительный аргумент выдвигает Вассиан, когда напоминает Ивану III события 1380 г. Идеальный образ Дмитрия Донского, образ, взятый из сказаний о Донском, рисуется автором в сходных ситуациях.

„И достойный хвалам великий князь Дмитрий, твой прародитель, каково мужество и храбрость показав за Доном над теми же сыроядци оканными, еже самому ему напреди битися, не пощаде живота своего избавления ради хрестьянского...“ Дмитрий — „не усумнися и не убоися татарьского множества, не обратися вспять, не рече в сердци своем: жену имею и дети и богатество многое, аще и землю мою возмут, то инде вселюся...“, но смело выехал на подвиг

¹ Виктор Семенов, ук. соч., стр. 96.

² Акад. А. А. Шахматов отмечает эту фразу, считая, что она „переносит нас к предисловию Софийского временника: „Како быша древнии князи и мужи их и како обороняху Русьскую землю, а иные страны приимаху под ся“ (ПСРЛ, V, 87; XV, 27 и др.). — („Ермодинск. летоп. и Ростовск. владычи. свод“, Изв. ОРЯС, 1904, т. IX, кн. I, стр. 422).